

ИЗ ИСТОРИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА ПРОИЗВЕДЕНИЙ
К.Л. ХЕТАГУРОВА: «СИДЗÆРГÆС» В РУССКОЯЗЫЧНОЙ
ИНТЕРПРЕТАЦИИ Л.Д. КИПИАНИ

Е.Б. Дзапарова

В статье впервые рассматривается переведенный на русский язык грузинским поэтом и прозаиком Л.Д. Кипиани текст стихотворения К.Л. Хетагурова «Сидзæргæс» (с осет. 'Вдова', 'Мать сирот', в переводе звучит как «Мать»). Автором исследования представлен лексико-семантический анализ разноязычных текстов (оригинал, перевод), прослеживается степень воспроизведения переводчиком интенций автора. В ходе анализа установлено, что приоритетная для художественного текста функция эстетического воздействия на реципиента достигается Л.Д. Кипиани использованием лексических единиц с близким семантическим значением. Однако передача символики, заложенной К. Хетагуровым в художественных образах, не всегда находит выражение в переводе. Важные для раскрытия идейного замысла художественного текста образы-символы: «æргъæвст халон» ('закоченелая ворона'), «сау айнæг» ('черный утес'), «саударæг ус» ('носящая траур женщина') и т.д. остаются вне поле зрения реципиента. Не всегда автор перевода преследует цель отразить национально-культурную специфику, заключенную в семантике выражений «зæрдæ къахын», «буц хъæбул», «дудгæ фæбадын», «къона», «гыци», «лыстæн». В тексте перевода они находят свои русифицированные варианты или не передаются вовсе. Но там, где переводчик отходит от содержания подлинника, создается оригинальный текст в той же художественной манере, близкой к авторской. Основная идея произведения в переводе не теряется: переводчик и на русском языке демонстрирует мытарства матери сирот. Л. Кипиани в целом удалось изобразить картину жизни осетин конца XIX – начала XX в., представленную К.Л. Хетагуровым в стихотворении «Сидзæргæс».

Ключевые слова: К.Л. Хетагуров, Л.Д. Кипиани, осетинская литература, художественный перевод, семантика, образ.

История переводов произведений К. Хетагурова на мировые языки насчитывает более ста лет. Практика художественного перевода произведений К. Хетагурова началась еще при жизни поэта. В 1901 г. в №7 журнала «Кавказский вестник» был опубликован русскоязычный перевод стихотворения «Сидзæргæс», выполненный Л.Д. Кипиани. Перевод опубликован под названием «Мать». Через год К.Л. Хетагуров и сам стал сотрудником этого журнала, на страницах которого опубликовал этнографический очерк «Особа» (№7, 1902). После смерти поэта перевод Л. Кипиани переиз-

давался: печатался в газетах «Советский Юг» (1924), «Пролетарий Осетии» (1935), «Власть Советов» (1936), «Красный Карачай» (1936), «Южная правда» (1939), «Молот» (1939).

Стихотворение «Сидзæргæс» программное во всем творчестве Коста Хетагурова и одно из самых переводимых произведений автора. Мы насчитываем еще 5 вариантов русскоязычных переводов: Ц. Гадиева, С. Олендера, Б. Иринаина, Б. Авсарагова, Ю. Бадтиева. Вполне возможно, что переводов больше.

Сравнить все переводы этого стихотворения между собой для выявления наиболее адекватного подлиннику художественного текста на русском языке нет возможности. Поэтому остановимся только на переводе Л. Кипиани. Цель исследования – рассмотреть насколько переводчику удалось передать лингвистическое своеобразие, национально-культурную специфику, стихотворную форму оригинала и в целом достичь эстетического воздействия художественного текста на реципиента.

Стихотворение К. Хетагурова вошло в первое издание сборника «Ирон фæндыр» (1899). Известный осетинский поэт А. Кодзати усматривал связь стихотворения К. Хетагурова с сюжетом восточной притчи о святом Йомере, изложенной турецким писателем Азизом Несином [1]. «Йомер – исламский халиф однажды ночью бродил по улицам Медины и заходил в дома, чтобы увидеть, как живет народ. В одной бедной лачуге он и увидел, как женщина варила камни и с помощью святой лжи успокаивала голодных детей» [2, 235].

С точкой зрения поэта согласился и ученый Ю. Дзиццойты, нашедший аналогичный сюжет о «супе из камня» и в европейском фольклоре, абхазском предании «Как образовалось озеро Рица», американской литературе, этнографии. Коста Хетагуров же, по мнению исследователя, позаимствовал соответствующий мотив именно из восточной версии, мастерски обработав и придав ему осетинский колорит [3, 243].

Национальный колорит стихотворению К. Хетагуров придает с первых строк:

*Халон баргъæвст сындыл.
Уад тымыгъ хæссы...
Сау айнæджы рындзыл
Нарыхъæу хуыссы... [4, 52]*

Ворона окоченела на колючке (терновнике).
Вихрь метель метет...
На выступе черного утеса
Аул Нар лежит...

(здесь и далее подстрочный перевод наш – Е.Дз.)

Первая строфа в представлении Л. Кипиани выглядит так:

*На кусте обледенелом
Мерзнет ворон. Вихрь шумит.
Весь окован льдом и снегом
Нар-аул в ущелье спит [5, 74].*

К. Хетагуров в экспозиции крупным планом показывает место действия в стихотворении. Уже с первой строки автор вводит читателя в атмосферу некоего хаоса, а встречающиеся в начале стихотворения образы зимы, вихря, метели, закоченной вороны, черной скалы придают настрой всему произведению. В переводе не все художественные образы оригинала отражены. Л. Кипиани не просто заменяет одну лексему другой, но местами, как кажется, подменяет картину той действительности, которую описывает автор. Уже первая строка «Халон баргъæвст сындыл» в переводе меняет контекст всей строфы – «На кусте обледенелом / Мерзнет ворон». Образ вороны в переводе заменен вороном. Но в этом нет принципиальной разницы. Хотя, как мы знаем, прямой перевод лексемы «халон» – «ворона», а «ворон» на осетинском – «сынт». Обе птицы в себе несут отрицательную коннотацию. Глагол совершенного вида «баргъæвст» наводит читателя на мысль, что вихрь бушует в ауле не первый день. Видовая замена лексемы «закоченел» на нейтральный глагол «мерзнет» меняет не только смысл, но и не передает семантику образа. Образ неодушевленной закоченной птицы в начале произведения, как нам представляется, определяет трагичность финала (ворона – медиатор между двумя мирами, между жизнью и смертью; посланница Барастыра – повелителя загробного мира [6, 32]; в стихотворении присутствует мотив смерти) и в то же время подчеркивает, что место действия – место, лишенное живого, позабытое. Эту мысль подтверждает и аул, одиноко стоящий на выступе черного утеса. Концентрируя свое внимание на цветовой характеристике и очерчивая в то же время художественное пространство произведения, автор не противопоставляет, а проводит параллель между двумя образами – вороны (которая, по всей видимости, черная) и аула, стоящего на черном утесе. Эпитет «черный» несет в тексте определенную семантику. К.Е. Гагкаев связывает образное определение со стремлением Коста Хетагурова «нарисовать неприглядную правду жизни. Но как только поэт заговорил о свободе народа, о любви к нему и родине, о народном счастье – ...поэт употребляет прилагательное урс – белый, светлый» [7, 279]. У переводчика образная характеристика отсутствует. Л. Кипиани заменяет третью строку на собственную – «Весь окован льдом и снегом», – которая, конечно, не отражает смысл исходной, но и не идет вразрез с контекстом в целом.

На оторванности от всего живого концентрирует свое внимание автор и в последующих строфах: «Рухс цæуы кæронæй...», «Иу зæронд ыскъæты,

– / *‘Гас хъæуы уæлдай, / Аззæди фæсфæды, / Ацы бæстыхай...»*. Перевод этих и последующих строк представляет собой свободную интерпретацию строк оригинала. Мы не увидим в переводе отсылки ко второй, третьей и четвертой строкам. Л. Кипиани объединяет их в одну строфу и передает общий смысл:

<i>Даргъ æхсæв фыдбонæй</i>	Длинная ночь плохого дня
<i>Цард удæн хуыздæр...</i>	Лучше для души, которой дана жизнь... [8, 11]
<i>Рухс цæуы кæронæй, –</i>	Виден свет на окраине (аула), –
<i>Бадынц ма кæмдæр...</i>	Сидят еще где-то...
<i>Иу зæронд ыскъæнты, –</i>	В одном старом хлеву, –
<i>‘Гас хъæуы уæлдай,</i>	В целом ауле лишнее,
<i>Аззæди фæсфæды</i>	Осталось в стороне
<i>Ацы бæстыхай, –</i>	Это жилище, –
<i>Ма дис кæ йæ бадтыл! –</i>	Не удивляйся ее сидению (допоздна)! –
<i>Цуайнаджы уæлхъус</i>	Возле котелка
<i>Архайы йæ артыл</i>	Возится над огнем
<i>Иу саударæг ус [4, 52].</i>	Одна в трауре женщина.

В переводе:

*Только в сакле одинокой
Сизый стелется дымок.
Там над пламенем неверным
Закипает котелок [5, 74].*

За строками переводного отрывка осталась картина крайней бедности и впервые появляющийся у К. Хетагурова центральный образ стихотворения – вдова. Текст Л. Кипиани, больше напоминающий здесь перевод по мотивам строк оригинала, потерял, как представляется, стержневую мысль – на краю аула находится целым аулом отчужденная сакля, возле очага в которой возится мать сирот.

И дальше мы видим показ удручающего положения горской бедноты при предельной сжатости предложений:

<i>Артдæсты кæрæтты,</i>	Вокруг очага,
<i>Фæныкмæ æнгом</i>	Близко к золе
<i>Бадынц сывæллæттæ, –</i>	Сидят дети, –
<i>Чи бæгънæг, чи гом... [4, 52]</i>	Кто в лохмотьях, кто голый...

*А к котлу теснятся дети,
Жмутся все к огню толпой,*

*Кто лохмотьями прикрытый,
Кто совсем почти нагой...* [5, 74]

Перевод здесь бережно сохраняет основную мысль, содержащуюся в подлиннике, но при утрате лаконичности строк. Особый ритм тексту придает повтор относительных местоимений в последнем стихе. Прием модуляции позволил сохранить смысловую нагрузку оригинала. Последняя строка у Л. Кипиани схематически разделена на две отдельные строки. Изменение синтаксической структуры предложения не лишило отрывок использованного автором стилистического приема. Анафора придает русскоязычному отрывку эффект слитого предложения.

Последующая строфа

<i>Уазал æмæ стонгæй</i>	Холода и голода
<i>Бирæгъ дæр тæрсы, –</i>	Даже волк боится, –
<i>Удхæссæг æввонгæй</i>	Ангел смерти (букв. уносящий душу) [9, 10], [8, 347] без труда
<i>Ахæмты хæссы...</i> [4, 53]	Таких уносит...

звучит как афоризм, приближающий его к пословице. Трудность перевода подобных единиц связана с тем, что они обладают ярко коннотативным, образным значением. Переводчик художественного текста должен раскрывать их смысл и передавать с той же экспрессивно-стилистической и коннотативной окрашенностью, что и их аналоги в оригинале, а также стремиться сохранить их форму – лаконичность, дидактическое содержание [10, 258]. Компликативность афоризма, видимо, не совсем была понятна переводчику. Воспроизвести на русском языке коммуникативно-прагматический потенциал данного изречения переводчику не удалось. Л. Кипиани отказывается от различных переводческих трансформаций, используемых при переводе афоризмов, дабы не завести в тупик читателя неверной передачей смысла переводимой единицы, стилистической окраски, национального подтекста. В переводе строфа опускается, но компенсируется другой, составляющей с предыдущей своего рода монострофу.

*Лица детские с надеждой
К очагу устремлены,
И в глазах, печали полных,
Слезы горькие видны...* [5, 74]

Дальнейший текст – это обращение матери к сиротам, а затем к умершему мужу-кормильцу. Женщина упрекает покойного мужа в том, что, оставив детей, он обрек их на голодную смерть. Этот отрывок путем использования формулы народного плача особенно роднит произведение с осетинским фольклором:

<i>Хъуырмаæ схæццæ хъарæг:</i>	К горлу подступило рыдание (причитание):
<i>Дудгæ фæбада</i>	Пусть сидит в огне (мучается)
<i>Зæйы бын нæ дарæг,</i>	Под снежным обвалом наш кормилец,
<i>Мах чи фæсайдта!.. [4, 53]</i>	Обманувший нас!..

Значение идиомы «дудгæ фæбадын» объясняет сам Коста Хетагуров в очерке «Особа» следующим образом: «Оплакивая покойника, к нему иногда обращаются с проклятием, – *судзга фабадай* (сидеть бы тебе в огне), – за то, что он покинул малолетних детей, оставил несчастных стариков без потомства и т.д.» [11, 360]. В.И. Абаев значение глагола «дудын» трактует так: «*dūdyp* – и. ‘зудеть’, ‘гореть (о коже)’ – *mæ bwar dūdy* «мое тело зудит»; *dūdgæ fæbadæj* или *sūzgæ fæbadaj* «пребывай в зудении (горении)» (проклятие)» [12, 372].

В переводе Л. Кипиани не стал русифицировать исходный текст подбором равноценной единицы (например: *гореть в аду*) или разрушать национально-образную структуру высказывания заменой контекстуальным аналогом. Переводчик упрощает себе задачу и здесь, пропуская строфу, но в столь же эмоциональном тоне передает следующие строки:

<i>Фондзæй уæ ныууагъта</i>	Вас пятерых оставил
<i>Иу ныййарæгæн, –</i>	Одному родителю, –
<i>Мады зæрдæ скъахта, –</i>	Нанес матери обиду, –
<i>Царæфтыд фæдæн!..</i>	Осталась ни с чем!..
<i>Зондзæй мыл фæтых дæ,</i>	Умом своим перехитрил меня,
<i>О, мæ лæджы хай, –</i>	О, мой муженек, –
<i>Сидзæртæй фæлыгътæ</i>	От сирот сбежал
<i>Ингæнмæ тæргай!..</i>	В могилу обиженным!..
<i>Буц хъæбул дæм дзуры, –</i>	Самый любимый из детей зовет тебя, –
<i>Сфæлмæцыд йæ мад, –</i>	Утомилась его мать, –
<i>Махæн дæр дæ цуры</i>	И нам возле себя
<i>Сцæттæ кæ бынат!.. [4, 54–56]</i>	Приготовь местечко!»

*«Наш кормилец нас покинул,
Взял отец могилой злой,
Пятерых сирот он бросил,
Бросил матери одной...*

*О, мой муж, свою смертью
Ты меня перемудрил.
Приготовь и нам местечко:
Выбиваюсь я из сил!..» [5, 75]*

Несмотря на то, что Л. Кипиани упростил архитектуру стихотворения – для передачи исходного смысла, заключенного автором в трех строфах, использовал лишь две строфы, – в переводном отрывке обнаруживается связь со смыслом исходного фрагмента. В переводе этнокультурная информация, заключенная в семантике выражений «*зæрдæ къахын*», «*лæджы хай*», «*буц хъæбул*», не раскрыта. Лексически передать необходимую коннотацию, поддерживающуюся в осетинском отрывке интимно-ласковым выражением «*лæджы хай*», Л. Кипиани не удалось. Стилистически нейтральное слово «*муж*» в отрывке, где обыгран «гендерный аспект ума» [13, 77], – *О, мой муж, своею смертью / Ты меня перемудрил...* – близко к исходной фразе лишь по смыслу, а не по заложенной в ней эмоционально-оценочной окраске.

Своего рода обрамлением к рассматриваемому отрывку выступает строфа:

<i>Митæйдзаг æхсæлы</i>	Заснеженный можжевельник
<i>Мары фæздæггæй...</i>	Сильно дымит...
<i>Цæстысыг ызгъæлы</i>	Слеза капает
<i>Агмæ сусæггæй... [4, 54]</i>	В котелок тайком...

Только первые две строки К. Хетагуров меняет местами с последующими – третьей и четвертой. Л. Кипиани не упускает рефрен с той лишь разницей, что не с фотографической точностью, свойственной оригинальным строкам, меняет их местами:

<i>Еле тлеет можжевельник,</i>	<i>Слезы матери все чаще</i>
<i>Сизый стелется дымок.</i>	<i>Попадают в котелок.</i>
<i>Мать тайком роняет слезы</i>	<i>Еле тлеет можжевельник,</i>
<i>В почерневший котелок.</i>	<i>Сизый стелется дымок [5, 75].</i>

С использованием грамматической (морфологической) трансформации [14, 56] – замена степени сравнения – в повторяющей строфе усиливается первоначальный смысл.

Читателя не оставляют равнодушным и в переводе мытарства детей-сирот:

*Самый маленький, бедняжка,
Ожиданием утомлен,
Прикурнул у самой печки –
В эти годы сладок сон!.. [5, 75]*

И далее при интерпретации верно найденные штрихи:

*В котелке варились... камни,
Куча мелких голышей –*

*А они чего-то ждали
С верой детской своей... [5, 76].*

Л. Кипиани обходит при переводе лишние фразы, идущие вразрез с концепцией оригинала. В переводе, как видим, легко узнаваемы хетагуровские образы. В лексиконе перевода присутствуют слова в значительной степени важные для понимания главной идеи произведения.

Национальный колорит передается с помощью отдельных единиц языка: «кѣона», «гыцци», «лыстѣн», афористичностью строк: «*Стонг ѣмѣ фѣлладыл / Тых хуыссѣг кѣм нѣу!..*» (с осет. Голодного и усталого / Как не одолеет сон!). Языковые средства выражения специфической национальной окраски в переводе находят свои русифицированные варианты («печка», «мама», «Сон кого не одолеет, / *Хоть и голод брат не свой...*» (по русской пословице: «Голод не свой брат»)) или не передаются вовсе («лыстѣн» → нулевой перевод).

Трагизм положения матери и сирот особенно подчеркивается К. Хетагуровым финальной строкой. Развитие сюжета стихотворения доходит до своей развязки. Больше матери, варившей вместо фасоли камни, обмануть детей не удастся:

*Стонг ѣмгѣуыд нѣ зоны, –
Иу сайд ын ѣггѣгѣд!.. [4, 58]
(Голодный не знает срока, –
Одного обмана для него достаточно!..)*

В переводе, как нам кажется, упрощен не только образ, но и смысл выражения:

*Разве жизнь не вся обмана,
Вся иллюзии полна? [5, 76]*

В финале остро звучит социальная проблематика произведения. К сожалению, это не учтено в переводе. Утверждение автора о наступившей для матери и детей безысходности, переданное восклицательной интонацией, в переводе приобрело вопрошающую форму, которая заставляет самого читателя задуматься над передающим в отрывке смыслом. Финал в переводе остается открытым.

Стихотворение на осетинском языке написано трехстопным хореем, строфическая организация представлена катренами с перекрестной рифмой (абаб). Рифма – точная, богатая. Перевод представлен четырехстопным хореем местами с пропуском ударного (пиррихий) и утяжелением стопы дополнительным ударным слогом (спондей). Созвучие окончания строк не во всех строках представлено: первый и третий стих не рифмуются. Созвучны два звука, рифма точная. Фонетическая специфика женской с мужской клаузулами в оригинале и в переводе совпадает.

Поэтический перевод Л. Кипиани был первой русскоязычной интерпретацией произведений К. Хетагурова с осетинского языка. Переводчик передал основное – показал мытарства матери-вдовы. Естественно, не все имплицитные смыслы переданы и авторские интенции реализованы. Но, как нам кажется, в начале XX в. перед переводчиком стояли совсем другие задачи. Концепция перевода заключалась, как нам кажется, в сохранении идейно-тематического содержания подлинника и эстетического воздействия, которое оказывает на читателя в целом художественное произведение и в переводе.

1. *Кодзати А.М.* О сюжете «Матери сирот» // Осетинская филология: история и современность. Вып. 3. Владикавказ: Алания, 1999. С. 103–106.
2. *Несин А.* «Святой Йомер – исламский халиф – бродил ночью по улицам Медины...» // Иностранная литература. 1979. №10. С. 235–236.
3. *Дзиццойти Ю.А.* Мотив варки камней в стихотворении К. Хетагурова «Сидзæргæс» // Дарьял. 2017. №6. С. 240–253.
4. *Хетæгкаты Къоста.* Сидзæргæс // *Хетæгкаты Къоста.* Ирон фæндыр. Дзæуджыхъæу: Ир, 1994. Ф. 52–58. (на осет. яз.).
5. *Хетагуров К.* Мать. Пер. с осетинского Л. Кипиани // Кавказский вестник. 1901. №7. С. 74–76.
6. *Таказов Ф.М.* Ворона в мифологии осетин // Аprobация. 2015. №10 (37). С. 31–32.
7. *Гагкаев К.Е.* Языковые и стилистические особенности поэзии Коста Хетагурова // Коста Хетагуров. Статьи о жизни и творчестве. Орджоникидзе, 1959. С. 261–284.
8. *Мамиева И.В.* Поэтическая вселенная К.Л. Хетагурова в словарном измерении («Осетинская лира»). Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А, 2013. 503 с.
9. *Абаев В.И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. В 4-х т. Л.: Наука, 1989. Т.4. 325 с.
10. *Дзапарова Е.Б.* Способы достижения эквивалентности паремий в процессе художественного перевода // Известия СОИГСИ. Школа молодых ученых. 2013. № 10. С. 256–265.
11. *Хетагуров К.* Особа. Этнографический очерк // *Хетагуров К.* Собрание сочинений в 5 т. М.: Издательство Академии наук СССР, 1960. Т.4. Публицистика. С. 311–371.
12. *Абаев В.И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. В 4-х т. М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1958. Т.1. 655 с.
13. *Мамиева И.В.* Концепты умственной сферы в творчестве К. Л. Хетагурова // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2017. № 1 (29). С. 75–83.

14. Дзенс Н.И., Перевышина И.П. Теория перевода и переводческая практика с немецкого языка на русский и с русского на немецкий: учебное пособие. СПб.: Антология, 2012. 560 с.

Dzaparova, Elizaveta B. – V.I. Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of the Vladikavkaz Scientific Centre of RAS (Vladikavkaz, Russia); l-dzaparova@mail.ru

FROM THE HISTORY OF LITERARY TRANSLATIONS OF K.L. KHETAGUROV'S WORKS: L.D. KIPIANI'S RUSSIAN INTERPRETATION OF THE POEM «SIDZÆRGÆS» («MOTHER OF ORPHANS»).

Keywords: K.L. Khetagurov, L.D. Kipiani, Ossetian literature, literary translation, semantics, image.

For the first time, the article considers the translation into Russian by L.D. Kipiani, the Georgian poet and prosaic, of the text of the poem by K.L. Khetagurova «Sidzærgæš» ('Widow', 'Mother of Orphans', translated as "Mother"). The author of the study presents a lexical and semantic analysis of multilingual texts (original and translation), traces the degree with which the translator reproduces the author's intentions. In the course of the analysis, it was found that the priority function of aesthetic impact on the recipient for a literary text is achieved by L.D. Kipiani by using lexical units with similar semantic meaning. However, the transmission of the symbolism laid down by K. Khetagurov in artistic images does not always find expression in translation. Symbolic images that are important for the disclosure of the ideological concept of a literary text: «ærgævst halon» (a freezing raven), «sau ainæg» (black rock), «saudaræg us» (a woman in mourning), etc. remain out of sight of the recipient. The author of the translation does not always pursue the goal of reflecting the national-cultural specifics contained in the semantics of the expressions «zarda kahyn», «buts kh'abul», «dudgk fabadyn», «qona», «gyzzi», «lystun». In the text of the translation, they find their Russified versions or are not transmitted at all. But where the translator deviates from the contents of the original, the created text is, nevertheless, in the artistic manner, close to the author's. The main idea of the work is not lost in the translation: in the Russian translation the hardships and ordeals of the mother of the orphans are also vividly conveyed. L. Kipiani as a whole managed to depict a picture of the life of the Ossetians of the late 19th - early 20th centuries, presented by K.L. Khetagurov in his poem «Sidzærgæš» («Mother of Orphans»).

REFERENCES

1. Kodzati, A.M. O syuzhete «Materi sirot» [About the plot of «Mothers of Orphans»]. *Osetinskaya filologiya: istoriya i sovremennost'* [Ossetian philology: history and modernity]. Iss. 3. Vladikavkaz, Alaniya, 1999, pp. 103–106.
2. Nesin, A. «Svyatoi Iomer – islamskii khalif – brodil noch'yu po ulitsam Mediny...» [“Saint Yomer – Islamic Caliph – wandered at night through the streets of Medina ...”]. *Inostrannaya literatura* [Foreign Literature]. 1979, no. 10, pp. 235–236.

3. Dzitstsoiti, Yu.A. *Motiv varki kamnei v stikhotvorenii K. Khetagurova «Sidzærgæ»* [The motive of cooking stones in K. Khetagurov's poem «Mother of Orphans»]. *Dar'yal* [Daryal]. 2017, no. 6, pp. 240–253.
4. Khetægkaty, K"osta. *Sidzærgæ»* [Mother of Orphans]. Khetægkaty, K"osta. *Iron fændyr* [Ossetian lyre]. Dzæudzhykh"æu, Ir, 1994, pp. 52–58. (in Ossetian).
5. Khetagurov, K. *Mat'* [Mother]. Translated from Ossetian by L. Kipiani. *Kavkazskii vestnik* [Caucasian Bulletin]. 1901, no. 7, pp. 74–76.
6. Takazov, F.M. *Vorona v mifologii osetin* [The crow in the mythology of the Ossetians]. *Aprobatsiya* [Approbation]. 2015, no. 10 (37), pp. 31–32.
7. Gagkaev, K.E. *Yazykovye i stilisticheskie osobennosti poezii Kosta Khetagurova* [Linguistic and stylistic features of the poetry of Kosta Khetagurov]. *Kosta Khetagurov. Stat'i o zhizni i tvorchestve* [Kosta Khetagurov. Articles about life and creativity]. Ordzhonikidze, 1959, pp. 261–284.
8. Mamieva, I.V. *Poeticheskaya vseleynaya K.L. Khetagurova v slovarnom izmerenii («Osetinskaya lira»)* [The poetic universe of K.L. Khetagurov in the dictionary dimension («Ossetian lyre»)]. Vladikavkaz, North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies, 2013. 503 p.
9. Abaev, V.I. *Istoriko-etimologicheskii slovar' osetinskogo yazyka. B 4-kh t.* [Historical and etymological dictionary of the Ossetian language. In 4 volumes]. Leningrad, Nauka, 1989, vol. 4. 325 p.
10. Dzaparova, E.B. *Sposoby dostizheniya ekvivalentnosti paremii v protsesse khudozhestvennogo perevoda* [Ways to achieve the equivalence of paremias in the process of literary translation]. *Izvestiya SOIGSI. Shkola molodykh uchenykh* [Proceedings of the North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies. School of Young Scientists]. 2013, no. 10, pp. 256–265.
11. Khetagurov, K. *Osoba. Etnograficheskii ocherk* [Osoba. Ethnographic sketch]. Khetagurov, K. *Sobranie sochinenii v 5 t.* [Collected works in 5 volumes.]. Moscow, Publishing house of the Academy of Sciences of the USSR, 1960. *T.4. Publitsistika* [Vol. 4. Journalism], pp. 311–371.
12. Abaev, V.I. *Istoriko-etimologicheskii slovar' osetinskogo yazyka* [Historical and etymological dictionary of the Ossetian language. In 4 volumes]. Moscow&Leningrad, Publishing house of the Academy of Sciences of the USSR, 1958, vol. 1. 655 p.
13. Mamieva, I.V. *Kontsepty umstvennoi sfery v tvorchestve K.L. Khetagurova* [Concepts of the mental sphere in the work of K. L. Khetagurov]. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN* [Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS]. 2017, no. 1(29), pp. 75–83.
14. Dzens, N.I., Perevyshina, I.R. *Teoriya perevoda i perevodcheskaya praktika s nemetskogo yazyka na russkii i s russkogo na nemetskii: uchebnoe posobie* [Translation theory and translation practice from German into Russian and from Russian into German: textbook]. St. Petersburg, Antologiya, 2012. 560 p.